

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СКАЗАХ Н. С. ЛЕСКОВА И НАРОДНАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Д. СТРАУКАЙТЕ.

Сложный и противоречивый по своему мировоззрению и творчеству крупный писатель 2-ой половины XIX века Н. С. Лесков вошел в литературу как прекрасный знаток русского быта, создавший яркие и многообразные картины русской действительности, как самобытный художник слова, до мельчайших тонкостей владевший всеми богатствами народного языка. Большой интерес представляет наследие Лескова с точки зрения его связей с устным народным творчеством. Он является создателем антицерковной сатиры, тесно связанной с русским фольклором. Некоторые произведения этого жанра уже привлекали внимание исследователей творчества Н. С. Лескова. Если значение «Соборян» и «Мелочей архиерейской жизни» достаточно полно освещено в работах о Н. С. Лескове и даже имеется на эту тему отдельная статья¹, то антицерковные мотивы в его сказах мало привлекали внимание исследователей. Некоторые новые документы (записные книжки № 1—4 и неопубликованные письма Н. С. Лескова к И. С. Аксакову и к С. И. Сазоновой, хранящиеся в ЦГАЛИ и в ИРЛИ (в Пушкинском доме)), впервые привлекаемые в данной статье, помогают выяснить вопрос об отношении Н. С. Лескова к фольклору, о проявлении народной мысли в его сказах.

Н. С. Лесков — резкий обличитель нравов духовенства и церкви — вырос в религиозной семье. Его дед и прадед по отцовской линии были деревенскими священниками. Эта участь ждала и отца Н. С. Лескова, но он отказался надеть ризу и ушел из дому. Хотя отец писателя был глубоко религиозен, но церковных порядков не придерживался и в церковь очень редко ходил. Мать Н. С. Лескова была религиозна и соблюдала посты, праздники, верила в чудодейственную силу мошей и т. д. Будущий писатель был воспитан в религиозном духе, часто ходил по монастырям и уже с детства мог наблюдать жизнь монастырей и духовных лиц. Выросший в такой глубоко религиозной семье Н. С. Лесков был тоже религиозным человеком, искренне верил в существование «высшего судьи», уважал тех, кто «божьему слову» учил людей и отстаивал «истинное учение Христа». Его интересовали религиозные вопросы, и он сам написал ряд статей и исследований на эту тему.

Изучая вопросы религии, стремясь в ней найти пути для улучшения жизни народа, пристально всматриваясь в окружающую жизнь, Н. С. Лесков понял, что священники заняты тем, чтобы приспособить

¹ Азбукин, Критика духовенства и православной церкви в очерках Н. С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни». — Ученые записки Томского университета, № 35, 1960.

«учение» Христа к своим житейским интересам: к личной наживе, к продвижению по службе, к порабощению тысяч темных верующих. Убедился писатель и в лживом, лицемерном поведении служителей культа. Желая сорвать маску с лица служителей культа, Н. С. Лесков берет за перо: «Я пишу как умею и всегда — как чувствую. Я плохой христианин, но все-таки христианин, и только бога паче всего не отнять у меня этого состояния моей души. Я никогда не осмеивал «сана» духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально, и в этом не числю за собой вины... Если мне действительно дана некоторая способность рисовать духовных, как Островскому купцов, — зачем я не имею прав служить моим даром литературе правдиво?»² — позднее объяснял свой интерес к героям «духовного сана» Н. С. Лесков. «Я больше всего радуюсь, когда бедным, малосмыслящим людям показывают без убора их ветхих фетишей, разворачивая их из лохмотьев»³.

Уже в начале своего литературного пути он создал хронику «Соборяне», где образ отца Туберозова чрезвычайно идеализирован, но образ Ахиллы не лишен уже комических черт, порою даже сатирических зарисовок. В дальнейшем в представителях духовенства все более подчеркиваются их неблагоприятные поступки, ложь, лицемерие и корыстолюбие, как характерные особенности их облика.

Сатира Н. С. Лескова на духовенство тесно связана с объективной действительностью того времени, и это подчеркивал сам писатель. Наряду с рассказами он печатает некоторые следственные документы из архива синода («Поповская чехарда и приходская прихоть»). Из-под его пера выходят «Мелочи архиерейской жизни», «Заметки неизвестного» и др. произведения, которые своей беспощадной правдивостью приводили в ужас церковников. Теперь Н. С. Лесков, по его словам, не писал бы подобную «Соборянам» книгу, а написал бы «Записки расстриги». «Клятвы разрешать; ножи благословлять; отъем через силу освящать; браки разводить; детей закрепощать; выдавать тайны; держать языческий обычай пожирания тела и крови; прощать обиды, сделанные другом; оказывать протекции у Создателя или проклиная и делать еще тысячи пошлостей и подлостей... вот что я хотел бы показать людям, а не Варнавкины кости!»⁴

Все возрастающая сила антицерковной сатиры Н. С. Лескова не означает, что писатель борется с религией, что он сам освободился от религиозных предрассудков. В сердце храня «заветы Христа», рекомендуя руководствоваться во всех жизненных событиях евангелием, в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни»⁵, он борется с церковью, которая стремится к земной власти. «Религию, как потребность духа, ищущего высшего состояния, и церковь, как учреждение полицейско-политическое, всегда склонное служить земной власти, не надо смешивать, а надо каждое ставить отчетливо, на принадлежащее им место»⁶.

Борьба Н. С. Лескова с церковью тесно связана с его мыслями о народе, со стремлением найти путь к улучшению народной жизни.

² Н. С. Лесков, Письмо к И. С. Аксакову от 7 янв. 1881 г., ИРЛИ Пушкинский дом. — Арх. Аксаковых, Ф. 3., оп. 4, № 337.

³ Н. С. Лесков, Письмо к Л. Я. Гуревич от 31 июля 1892 г., ИРЛИ Пушкинский дом. — Арх. Гуревич Л. Я. 19.988 СХХХVI 61.

⁴ Н. С. Лесков, Собр. соч. в 11-ти томах, ГИХЛ, М., 1958 г., т. 11, стр. 529; в дальнейшем цитаты из произведений Н. С. Лескова приводятся по названному изданию.

⁵ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 11, стр. 233.

⁶ Н. С. Лесков, Письмо к С. И. Сазоновой от 18.XI.1892, ЦГАЛИ, 275, 1, Н-71, 170.

Свой интерес и симпатии к народу, к «дворовой бабе Аграфене и тоже дворовому мужику Храпошке» («Юдоль») Н. С. Лесков всегда подчеркивал и связывал с пониманием бесправного их положения. Он говорил, «что высшая добросовестность побуждает нас относиться с особенным сочувствием к крестьянам... Еще в мои детские годы я видел близко страдания злополучного мужика, и рано во мне начали роиться грезы об улучшении участи несчастливцев...»⁷ Одной из причин трудного положения крестьян Н. Лесков усматривал в том, что церковь, по его мнению, призванная просвещать народ, помогать ему преодолеть трудности, стала сама притеснять и эксплуатировать народ. Действительных путей к улучшению участи народа Н. С. Лесков не видел. Решительно отказавшись от революционного способа переустройства жизни, он ищет спасения в пропаганде самоусовершенствования, в воспитании высокой нравственности. «В родном краю, где я изрядно постраниствовал, заприметил я, что лишь там, где добросовестность процветала, жилось как будто сносно...»⁸ Потому Н. С. Лесков, как и Л. Н. Толстой, считал, что это можно достичь возрождением высоких моральных норм, воплощение которых он и видел в религии, в предписании евангелия. «Когда писал Толстой «Анну Каренину», я уже был близок к тому, что теперь говорю, и написал «Соборян», «Запечатленного ангела». Я уже копал ту кучу, которую стал и Лев Николаевич копать. Но только у него свет ярче, и я пошел за ним со своей площадью. У него огромный факел, а у меня мерцает маленькая плошка...»⁹

Глубоко уважая и превознося искреннее религиозное чувство, стремление к самоотвержению и самоусовершенствованию, Н. С. Лесков беспощадно обрушивался на тех, кто этими чувствами спекулировал, кто служение ко «всевышней власти» превратил в доходную службу земным властям, высмеивал церковь как полицейско-политическое учреждение.

Желая показать истинное лицо служителей культа, он рисует разнообразных его представителей: от дьячка до архиерея. Н. Лесков старается найти среди них действительных последователей «учения» Христа, которых высоко ценил, и беспощадно разоблачает, высмеивает тех служителей церкви, которые на первое место ставят свое благополучие, заботятся о своей карьере и жестоко относятся к «своему ближнему». В числе первых можно отметить Туберозова из хроники «Соборяне», Савву из рассказа «Некрещенный поп», а среди последних — целая галерея образов, которые встречаются почти в каждом произведении Н. С. Лескова. По своей обличительной силе первое место, не только среди произведений Н. С. Лескова, но и во всей современной ему литературе, занимают «Мелочи архиерейской жизни» и «Заметки неизвестного».

Антиклерикальный характер носят и многие сказы: «Тупейный художник», «Дворянский бунт Добрынского уезда», «Антука», «Очарованный странник» и др. Здесь мы находим тесную связь с народной

⁷ Слова Н. С. Лескова в передаче П. В. Быкова. — П. В. Быков, Силуэты далекого прошлого, ЗИФ, М.—Л., стр. 155.

⁸ Там же.

⁹ «Исторический вестник», № 4, 1895, стр. 196—197. Отношения Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого интересовали многих исследователей их творчества. Этому вопросу посвящены работы: Н. Гудзий, Толстой и Лесков. — «Искусство», М., т. 4, 1928, кн. 1—2; А. Фаресов, Умственные переломы в деятельности Н. С. Лескова. — «Исторический вестник», № 5, 1890. См. также Л. Гроссман, Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. ОГИЗ—Гослитиздат, М., 1945; Б. М. Другов, Н. С. Лесков. Очерк творчества, изд. II, ГИХЛ, М., 1961, стр. 108—138; А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, ИХЛ, М., 1954, стр. 594—613.

сатирой, с народными мыслями о духовенстве, что и позволяет говорить о связи сказов Н. С. Лескова с народной сатирической сказкой.

Русский фольклор во многих жанрах носит антиклерикальный сатирический характер, обнаруживая отрицательное отношение народа к церкви и ее слугам. Ещё Белинский в «Письме к Гоголю» писал: «Неужели в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»¹⁰ Народную точку зрения на церковь, на служителей культа Н. С. Лесков ярко воплощает в своем творчестве. Эту народную точку зрения писатель мог почерпнуть из непосредственных жизненных наблюдений, а также из устного народного творчества.

Знакомство Лескова с русским фольклором было постоянным и многосторонним. Вопрос о месте фольклора в жизни и творчестве Н. С. Лескова почти не изучен¹¹.

В детстве сживаясь душа в душу с крестьянскими детьми, а юношей странствуя по родной земле, Н. С. Лесков знал превосходно жизнь русского народа. В 90-е годы, подводя как бы итог пройденного жизненного пути, он писал: «что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудирова её, а живучи ею. Я, слава богу, так и знал его, то есть народ,— знал с детства и без всяких натуг и стараний...»¹²

Н. С. Лесков до самых малейших подробностей знал быт родного народа, с глубоким интересом прислушивался к словесному народному творчеству, к образной народной речи, с подходом ученого исследовал русские поверья, обычаи, старинную живопись.

Сын писателя Андрей Николаевич и другие современники Н. С. Лескова не раз в своих воспоминаниях о знаменитом прозаике отмечают, как последний любил копаться у букинистов в поисках книг, старинных икон, как радовался строгановским картинам, сам их реставрировал. Н. С. Лесков интересовался всеми видами искусства. «Во мне всегда была — не знаю, счастливая или несчастная, — слабость увлекаться тем или другим родом искусства. Так я пристращался к иконописи, к народному песнотворчеству, к врачеванию, к реставраторству и пр.»¹³ — писал Лесков М. И. Пыляеву в 1884 г. Но больше всего в жизни писатель ценил книги: «Оно и понятно: в этой области Лесков являлся уже не «любителем», не дилетантом, а в самом деле знатоком и докой. Неугасимая любовь к книге жила вне времени и лет. Она превозмогала даже правило остерегаться расточительства. Тут допускались и оправдывались жертвы, не согласовавшиеся с другими требованиями жизни»¹⁴. У Лескова была большая библиотека, это отмечают многие, посещавшие писателя. К сожалению, эта богатая библиотека после смерти писателя была роздана частным лицам и даже нет точного ее описания.

¹⁰ В. Г. Белинский, Избранные философские произведения, Гослитиздат, т. II, М., 1948, стр. 516.

¹¹ Непосредственно к этой теме относятся только следующие работы: Э. С. Литвин, Фольклорные источники «Сказа о тульском косом Левле и о стальной блохе» Н. С. Лескова.— Русский фольклор. Мат. и иссл., М.—Л., 1956; Н. Антошин, Нар. юмор и народная этимология в произвед. Н. С. Лескова.— Научные записки, Ужгородский ун-т, т. 6, 1952.

¹² Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 11, стр. 12.

¹³ Там же, стр. 291.

¹⁴ А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, ГИХЛ, М., 1954, стр. 467.

как например, существует описание библиотеки Некрасова, Л. Толстого и других знаменитых писателей. Но по сохранившимся материалам и живым свидетельствам мы можем установить, что книги по русскому фольклору занимали одно из первых мест в его рабочей библиотеке.

По свидетельству заведующего отделом писателей-орловцев Государственного музея им. И. С. Тургенева в Орле тов. О. Овсянниковой «огромная библиотека Н. С. Лескова после его смерти была разделена между тремя наследниками. Дочь и воспитанница полученные ими книги сразу передали в букинистический магазин. Книги сразу были раскуплены. Та часть, которая хранилась у Андрея Николаевича, тоже полностью не уцелела¹⁵, она теперь передана Анной Ивановной Лесковой (женой Андрея Николаевича) Государственному музею имени И. С. Тургенева в Орле.

В той части библиотеки Н. С. Лескова, которая теперь передана Государственному музею им. И. С. Тургенева в Орле, находятся следующие сборники народного творчества: 1) А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, М., 1873, 4 тома со штампом Н. Лескова «Редкость»; 2) А. Н. Афанасьев, Народные русские легенды, М., 1859; 3) Русские анекдоты, М., 1822, 5 томов. Кроме того, Н. С. Лесков интересовался и образцами мирового фольклора. В его библиотеке были книги, ныне хранящиеся в Орле: 1) Штоль, Мифы классической древности, М., 1865; 2) Латинские, итальянские и английские поговорки и пословицы, СПб, 1848; 3) Трсяча и одна ночь. Сказки. СПб, 1872, 9 томов; 4) Избранные басни Эзопа, СПб и др.

Андрей Лесков в очерке о писателе также отмечает интерес его к старопечатным книгам и к сборникам произведений народного творчества. Как особенно ценимые и любимые книги здесь отмечены: «Новый полный и подробный сонник», издан в С.-Петербурге в 1818 г., и «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым», издание Н. Щепкина и К. Солдатенкова в 1859 г. На этом сборнике писатель сделал шутивную, но знаменательную для нас надпись: «Добрые люди! Не крадьте у меня эту книжку.—Уже три такие книжки украдены. О сем смиренно просит Никл. Лесков. (Цена 8 р.)»¹⁶. Надо полагать, что в этой большой библиотеке были и другие сборники с произведениями устного народного творчества. Несомненно, что Н. С. Лескову хорошо известны были Русские народные песни, собранные Киреевским, сборник сказок Н. Е. Ончукова: пословицы, собранные И. В. Далем, труды И. П. Сахарова и других исследователей и собирателей фольклора.

Лесков мог знать и произведения устного народного творчества, собранные известным фольклористом и этнографом П. И. Якушкиным, с которым был лично знаком. В 60-е г. Якушкин часто останавливался у Н. Лескова. В. Базанов считает, что только Н. Лесков «сумел разгадать Якушкина и нарисовать его портрет» (о статье Н. С. Лескова «Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине»), что «сюжет «Жалостливой комедии» (Якушкина) был подсказан мценской легендой, которая была... использована последним в «Леди Макбет Мценского уезда»¹⁷.

Лесков был не только знатоком народного творчества, но и ревностным его ценителем. Интересный материал содержат записные книжки

¹⁵ Цитируется по письму заведующего отделом писателей-орловцев Государственного музея им. И. С. Тургенева в Орле тов. О. Овсянниковой к автору статьи от 30 мая 1962 года.

¹⁶ А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, стр. 471.

¹⁷ В. Базанов, П. И. Якушкин, 1950, Орел, стр. 46.

писателя. В записной книжке № 2¹⁸ мы находим его запись «восточных пословиц»¹⁹: «Бойся Бога и того, кто не боится бога», «Бойся того, кто тебя боится» и др. Здесь же помещена краткая запись народной сказки о девушке, которая проглотила гороховое зернышко и оттого затяжелела. Родила она сына необыкновенного: сразу, как только родился, он пошел в школу и окончил ее через год. На этом запись сказки обрывается. Лесков к этой записи больше не обращался. Другие же сказки, краткие записи которых хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), использованы в творчестве писателя. К ним, прежде всего, относится обработка фламандской сказки «Маланья — голова баранья», которая впервые опубликована только после смерти Н. Лескова.

Обработка сказки «Смелычаки» или «Два смелычака» (два варианта одной сказки), «Повесть о разбойнике Кудеяре», «Подвиг купца Канарейкина», где повествуется о том, как сатана портил «божественный образ» человека и приходил в ад со своей бабкой о том советовать, а также мордовское предание «Богинька Рункэ» и др. остались неоконченными. Притча «Христос в гостях у мужика» почерпнута из русских народных легенд, собранных А. Н. Афанасьевым.

Большой интерес Н. Лескова к фольклору обнаруживает и тот факт, что большинство эпиграфов к его произведениям взято из устного народного творчества. К очерку «Леди Макбет Мценского уезда» эпиграфом служит народная поговорка «Первую песенку зардевшись спеть. Поговорка». Орывок из грустной русской песни «Ивушка»:

«Ивушка, ивушка,
Ракитовый кусток!
Что же ты, ивушка,
Не зелена стоишь?
— Как же мне, ивушке,
Зеленой быть?
Срубили ивушку
Под самый корешок.

Русская песня»

приводится как эпиграф к крестьянскому роману, где рассказывается о несчастной доле бедной крестьянки. Эта песня звучит и в тексте романа, как бы сравнивая две несчастные доли: ивушки и красавицы Насти.

Народные пословицы и поговорки служат эпиграфами также к следующим произведениям Н. С. Лескова:

«Ржа железо точит. Русск. поговорка» к рассказу «Железная воля»;
«Всякая курица на насест хочет. Эстонская пословица» — «Темнеющий берег»;

«Что взаправду было и что миром сложено — не распознаешь. В. Даль» — к рассказу «Старинные психопаты»;

«У страха большие глаза. Поговорка» — «Пугало»;

«Пошел по канун и сам потонул. Русск. пословица» — «Колыванский муж»;

«Каков поп, таков и приход» — «Дворянский бунт Добрынского уезда»;

«У Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят. В. Даль (Присловие)» — «Зимний день»;

«Быть так Чуриле сам господь повелел. Былина о красивом Чуриле Опленковиче» — эпиграф к статье «Литератор-красавец»;

¹⁸ ЦГАЛИ, 275, 1, н-71, III; Записные книжки Лескова уже привлекались его исследователями: В. Гебель. Н. С. Лесков (в творческой лаборатории). — «Сов. писатель», М., 1945; но фольклорные записи не обращали должного на себя внимания.

¹⁹ Подзаголовок Н. С. Лескова.

«Жил на свете Живулечка, как ему господь повелел. Сказка о Живулечке» — «Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине» и др.

В записных книжках Лескова много собрано народных метких слов и выражений. Так, в записной книжке № 3²⁰ приведены в собственной записи народные обороты речи, старинные выражения, меткие слова и др., а также имеется целый раздел, названный «Порча слов и речей»:

«Румбище — рубище.
Дождь летит — дождь идет.
Конь вздымает сто пудов — поднимает.
Бык пыхтит (тихо мычит).
Кот бормочет (тихо мяучит).
Мартальязу пели — марсельезу.
Воромонах — неромонах.
Благодухание — благоухание и др.»

Эти образцы народной этимологии Лесков использовал в своих произведениях, влагая их в уста рассказчиков, чтобы правдивее и нагляднее охарактеризовать среду, род занятий, черты быта. Так, например, слово «мартальяза» употребляется в речи бывшего человека, мелкого дворянина Оноприя Перегуда («Заячий ремиз»). «Язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, — указывал сам Лесков, — а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых, у святош... Ведь я собирал его много лет (подчеркнуто мною. — Д. С.) по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям на лету, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях»²¹.

К фольклору, к устной народной традиции восходят многие черты характеров лесковских героев и сюжетные ситуации его произведений. Часто Н. Лесков рисует своего героя, особенно «праведника», таким, каким он предстает перед глазами народа («Несмертельный Голован», «Пугало», «Некрещенный поп» и др.). Эти герои сказочны, совершают чудеса, перевоплощаются, принимая различные облики, и т. д. Сам же писатель ко всему этому относится с легкой иронией и в конце сказа обычно разоблачает волшебные черты такого героя. Широко им используются народные поверья, суеверия.

Писатель не раз дает указание, что данное событие, составившее основу того или иного сказа, подслушано у крестьян такой-то местности или написано по народным преданиям такой-то области. В письме к Шубинскому от 21 ноября 1890 г. Лесков пишет, что «Разбойник Худеяр по народным преданиям Орловской губернии... «Худеяр» — то, ведь, наш орловец, «проломленная голова» и жил совсем не при Грозном...»²²

Сказ «Тупейный художник» сообщен Н. Лескову няней-солдаткой, как рассказы бывалых людей переданы «Леон — дворецкий сын», «Левша», «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Печерские антики» и др. произведения Н. Лескова, а «Несмертельный Голован» представляет как бы ряд народных легенд о «праведном» человеке вместе с личными воспоминаниями о нем автора.

В «Старинных психопатах» дается объяснение такого глубокого интереса Н. Лескова к народным сказкам и преданиям: «Собирая в одну запись то, что мне приходилось слышать о Вишневском и его сродниках, я думаю, что я сберегаю этим литературе звено чего-то про-

²⁰ ЦГАЛИ, 275, 1, н-71, 112.

²¹ Слова Н. С. Лескова в передаче Фаресова. — А. И. Фаресов, Против течений. — Сб., 1904, стр. 274.

²² ЦГАЛИ, 275, 1, н-71, 182.

пущенного и до сих пор сохраняющегося только в одних преданиях. Пусть они и не совсем верны, но даже и в таком случае они интересны — как местное народное творчество, указывающее, что поражало и что вдохновляло людей с фантазией или что им нравилось»²³.

Но фольклорные мотивы и образы, подслушанные у народа предания и устные рассказы интересовали писателя не только как местный материал, он видел в них и ценил «современное продолжение народного творчества». По словам Н. Лескова, в них «всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов и фантазий людей данного времени и данной местности»²⁴.

Лесков такие рассказы собирал и считал, что они «должны быть дороги литературе и достойны сохранения их в ее записях»²⁵. В этом Н. С. Лесков убедился во время странствований по разным местам своей родины. Одной из задач его произведений как раз и было показать настроение, мироощущение разных слоев общества. Обращение к фольклору было, таким образом, закономерным и естественным, тесно связанным с творческими замыслами писателя.

Обозревая все творчество Н. С. Лескова, можно предположить, что его больше всего интересовали бытовые сказки, сатирические жанры русского фольклора, где повествование обычно берется из реальной жизни и необычайность рассказа состоит лишь в том, что герою все удастся, он преодолевает все препятствия вопреки своим жизненным возможностям. По поводу таких сказок великий русский критик В. Белинский писал: «В них виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия. И этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»²⁶. За жизненность и правдивость сатирических сказок их высоко ценит и Н. С. Лесков. В предисловии к повествованию о малороссийском барине Вишневском, по поводу которого писатель наслушался разных «историй и историйек» из народа, автор говорит, как он высоко ценит эти характерные для данной местности рассказы, которые «постоянно передаются из уст в уста от одного человека другому. Большинство из них пользуется репутацией самых достоверных событий и сообщается с указанием собственных имен, места и времени событий»²⁷. Здесь же Лесков отмечает и характерную черту народных рассказчиков, которые обижаятся, если слушатель сомневается в достоверности сообщаемого, хотя поверить в это часто очень трудно.

В народе Н. Лесков ищет и находит светлые образы и картины, воодушевляющие его героев в условиях тяжелой и жестокой жизни. Народ в его сознании противопоставлялся правящим верхушкам и всей аристократии. «Родина же наша, справедливо сказано, страна нравов жестоких, где преобладает зложелательство, нигде в иной стране столь не распространенное; где на добро скупы и где повальное мотовство: купеческие дети мотают деньги, а иные дети иных отцов мотают людьми, которые составляют еще более дорогое достояние, чем деньги»²⁸, — писал Н. Лесков А. Ф. Писемскому. И эта жизнь «все беспокоит, тревожит и манит, волнует и злит»²⁹ крупного писателя с раннего его дет-

²³ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 7, стр. 466.

²⁴ Там же, стр. 451.

²⁵ Там же.

²⁶ В. Белинский, Сочинения, ч. 5, изд. 2-е, М., 1860, стр. 116.

²⁷ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 7, стр. 450.

²⁸ Письмо от 15 сентября 1872 г. Н. С. Лесков. — Собр. соч., т. XI, стр. 349.

²⁹ Письмо к П. К. Щербальскому от 7 октября 1871 г. Н. С. Лесков. — Собр. соч., т. XI, стр. 335.

ства до конца жизни. Манит и радует его жизнь потому, что в этой бессердечной, жестокой атмосфере пореформенной Руси он находит светлые образы из народа (Иван Северьянович Флягин из «Очарованного странника», Голован из «Несмертельного Голована», Иван Петров из «Отборное зерно», Аркадий из «Тупейного художника» и др.), которые «с вида сер, но ум у него не черт съел»³⁰. Н. Лесков видел, что... «наш простой, наш находчивый и умный мужик»!³¹, как и Левша из одноименного сказа, «сметлив, перемчив, даже искусен, но он «расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю да по полу-соннику»³². Несмотря на темноту и забитость народа, Лесков от него ждал в будущем обновления жизни. Он верил в народ, т. к. в нем он видел те здоровые начала высоких моральных норм, которые, по мнению писателя, возродят общество, поднимут его на высшую ступень, произведут его переустройство. Еще в середине 70-х годов он писал А. П. Милюкову, что он и подобные ему ошибаются надеясь на правящие круги. «Эту ошибку им покажет не кто иной, как тот, очень многими (и Вами) отвергаемый, незримый дух народа, о котором говорит всех смелее и, по-моему, всех лучше граф Лев Толстой в «Войне и мире»»³³.

В простых людях из народа Н. Лесков видел и «настоящие» религиозные чувства, которые делают людей лучшими, готовыми на моральные подвиги, на самоотречение ради ближнего, стремление к добру и готовность ради этого пострадать. Такими должны были бы быть и «просветители» народа — духовенство, но эти священные чувства оно давно подменило противоположными: корысть, продажность, стремление к наживе, клевета даже на друзей — вот характерные черты служителей культа. Это хорошо понял Н. С. Лесков и всей своей силой художника слова бросился на борьбу с церковью. В этой борьбе он опирался также и на фольклорные источники.

В народных массах издавна бытовали сатирические сказки и анекдоты о жадных, сластолюбивых, корыстных попах, дьяконах и других представителях духовенства. Но в ранних публикациях народного творчества эти тексты почти отсутствуют. В изданиях XVIII века сказок о духовенстве нет. Их нет и в сборнике А. А. Эрлейвейна «Народные сказки, собранные сельскими учителями», М., 1863. В сборнике Чудинского «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки», М., 1864, есть только одна сказка на эту тему — «Цыган в монастыре», — но и та направлена не столько против духовенства, сколько на высмеивание желания цыгана хорошо поесть, не трудясь. В известном сборнике А. Н. Афанасьева среди 500 сказок только шесть сказок с более ясно выраженным лицом священника. Это объясняется, с одной стороны, исключительным вниманием буржуазной фольклористики к волшебным сказкам, с другой, — строгим цензурным запретом. Лишь позднее в Женеве был издан сборник «Русские заветные сказки», в который вошли тексты, не допущенные цензурой в сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». В предисловии к «Русским заветным сказкам» А. Н. Афанасьев писал: «Книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского юмора, которому до сих пор не было места в печати»³⁴. Известный собиратель народных сказок И. А. Худя-

³⁰ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 7, стр. 298.

³¹ Там же.

³² Н. С. Лесков, Собр. соч., т. XI, стр. 220.

³³ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. XI, стр. 425.

³⁴ Цитируется по ст. Соколова, «Русский фольклор», вып. II. — Сказки, II изд., М., 1930, стр. 87.

ков в предисловии к сборнику им собранных сказок тоже отмечает этот факт: «К сожалению, должны заметить, что некоторые обстоятельства не позволяют нам печатать многие интересные сказки из нашего собрания», а во время ареста он, как и известный этнограф-демократ, собиратель фольклора Прыжов, уничтожил большое количество сатирических сказок, среди которых многие были направлены против духовенства.

Произведения Н. С. Лескова тоже сильно пострадали от цензуры. Его «Мелочи архиерейской жизни» вначале прошли через цензуру, видимо, в цензуру попадало произведение по частям, т. к. печаталось из номера в номер в газете «Новости» в конце 1878 г. В 1879 г. оно имело два издания — такова была популярность книги. Но когда «Мелочи архиерейской жизни» были включены в шестой том Собрания сочинений Н. С. Лескова, то этот том был обречен цензурой на сожжение, а «Мелочи архиерейской жизни» определены были цензором, как произведение; являющееся «дерзким памфлетом и на церковное управление в России, и на растление нравов нашего духовенства»³⁵. Церковная власть боялась обличительной силы сатиры Н. С. Лескова.

Только в конце XIX века, когда стало уже невозможным игнорировать мысли передовой общественности и народных масс и цензура стала несколько мягче относиться к подобным темам, разрешается издание «Мелочей архиерейской жизни» в сильно сокращенном виде. В то время и в сборниках народного творчества появляется значительно больше антипоповских сказок, среди которых есть и такие, где служители церкви несут наказание за свою жадность, корысть и т. п. Так сравнительно большое количество антипоповских сказок имеется в сборнике Н. Ончукова «Северные сказки», 1909; в сборнике П. В. Шейна имеется одиннадцать вариантов подобных антипоповских сказок³⁶.

Антипоповские сказки и анекдоты были не только популярны в народе значительно раньше, чем они появились в печатных сборниках, но начали творчески использоваться в литературе еще в XVII веке. Сатирические повести и пародии XVII века опираются на народную сатиру в ее живой, устной традиции («Калязинская челобитная», сатирическая повесть «Беспечальный монастырь» и другие).

Большим шагом вперед в проникновении антиклерикальной народной мысли в художественную литературу была знаменитая пушкинская сказка «О попе и его работнике Балде». А. С. Пушкин в начале 30-х годов XIX века в Михайловском записал сказку о жадном попе и его работнике Балде, который перехитрил попа. Эту сказку позднее Пушкин творчески разработал, и она снова вошла в устное бытование.

О том, что подобные сказки были популярными в рукописных сборниках, свидетельствуют многие высказывания. Так И. В. и М. В. Милоские в своих воспоминаниях об учебе в Московской духовной академии 1826—1830 гг. рассказывают, что среди учащихся этой академии огромной популярностью пользовались рукописные сборники о том, «как один монах, исшед из обители, узрел дьявола, едущего на свинье, или Михаил Архангел бысть пострижен в мнихи»³⁷. Аналогичных воспоминаний о рукописных сборниках сказок и анекдотов с остросатирической направленностью против духовенства, бар и царей можно найти не мало. Н. С. Лесков, как большой любитель старых книг и рукописей, должен был знать большое количество записанных текстов

³⁵ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 6, стр. 667.

³⁶ П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. II, СПб., 1893.

³⁷ Русский архив, 1883, № 9, стр. 39.

сказок, а также сказки в их непосредственном устном бытовании. Свои образы служителей культа, начиная с Ахиллы из «Соборян», он строил, основываясь на народной точке зрения, почерпнутой из сатирического фольклора.

Обзор сатирических сказок позволяет сделать вывод, что одна из наиболее часто подчеркиваемых в народных сказках черт духовенства — жадность и жестокость попа. Особенно популярной была сказка о попе в козлиной или воловьей шкуре. Поп не желает хоронить жену бедняка, ибо тот настолько беден, что ему нечем заплатить за похороны. Когда мужик, роя могилу, находит клад, отношение попа к мужику изменяется, он становится ласковым и старается узнать, даже при помощи исповеди, откуда у мужика золото. Потом, одев на себя козью или воловью шкуру, ночью приходит к мужику, отбирает у него золото, но происходит наказание — шкура пристала к нему. Желая избавиться от шкуры, поп возвращает клад мужику. В одних вариантах шкура после того отпадает, в других остается на веки³⁸. Эта сказка настолько была популярна в народе в 20-х годах XIX века, что люди шли к Невскому монастырю в Петрограде и другие места смотреть этого попа³⁹.

Среди сказок А. Н. Афанасьева есть сказка «Дурак и береза» № 402, — поп, увидя кучу золота, кидается на нее, и дурак его убивает. У Н. Ончукова подобная сказка под № 298. «Попов работник» — сказка Афанасьева, — повествует о том, как жадный поп посылает работника пахать, дав ему ковригу хлеба и наказав, чтоб он сам был сыт, собаку накормил и ковригу целой сохранил бы. Здесь показана не только жадность попа, но и его отношение к народу, стремление нажиться, поработить простых людей. Таких сказок особенно много. К ним относятся сказки «Осилок — работник и поп» и «Поп и работник»³⁹, где поп польстился на дешевого работника — за щелчка «в хрибит», не ведая его огромную силу — заставляет его дрова колоть, орать, привести ночью корову (медведя), получить 100 рублей от десятника мельницы (черта), 800 руб. жалования от царя, но работник, все это исполнив, расправляется с попом: бросает его в озеро.

В сборнике Н. Ончукова можно отметить сказку № 109, где жадный поп, получив от работника 100 рублей за то, что работника продержит целый год, терпит большие убытки. Работник режет всех 16 поповых быков за то, что они все на него «поглядели», варит суп из сыновей попа Луки и Фирса, ссылаясь на приказ попа — «накрошить луки и насыпать перцу». Так рисует образы представителей духовенства народная сказка⁴⁰.

В своих сказках Н. С. Лесков берет эту народную установку на сатирическое обличение жестокости служителей церкви и показывает их жадность в различных житейских обстоятельствах.

В рассказе «Скорость потребна блох ловить, а в делах нужно осмотрение» Н. Лесков приводит анекдотический случай об одном мо-

³⁸ Д. И. Завалишин, Петербургские легенды и события в 1825 году. История попа с рогами. — «Древняя и новая Россия», 1879, т. 2, стр. 407—409; Н. Гилярова-Платонова, Из пережитого. Автобиографические воспоминания, ч. 1, М., 1886, стр. 329; А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 2, № 258; А. М. Новикова и И. А. Оссовецкий, Сказки Куприяники, № 35, Воронеж, 1937.

³⁹ Из воспоминаний Д. И. Завалишина, Н. Гиляровой-Платоновой и др.

⁴⁰ Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. 2, СПб., 1893, 36—42. Антиклерикальная направленность русской сатирической сказки исследуется в работах: И. М. Лупанова, Е. А. Тудоровская, Бытовая сказка. — Русское народное поэтическое творчество, АН СССР, М.—Л., 1959, т. 2, кн. 2; Д. М. Молдавский, Русская сатирическая сказка, М., 1959, и др.

нахе из Афона. Искусный в собирании жертв, один раз данный инок прибыл к умирающему богатому купцу. Он тайно упросил купца, чтобы тот все наследство оставил монастырю, обещая всем монастырем молиться за его душу. Когда купец согласился, инок пошел в трактир, взял трех особ, которые были в нужде и поглупее, заплатил им деньги, одел в клобухи и взял свидетелями при новом завещании, которое писалось тайно и второпях. Первому свидетелю инок велел поставить свою подпись. Тот написал: «Вечного цеха Иван Болванов». Остальные двое на требование скорее сделать «то же самое», написали тоже «Вечного цеха Иван Болванов». Спеша инок этого не заметил, а при вскрытии завещания после смерти купца оно было признано недействительным.

В рассказе Н. Лескова «Излишняя материнская нежность» отец Павел учит Игната лестью и хитростью выманить от умирающего дяди больше вещей и припрятать их. Тот же о. Павел по просьбе матери и за награду при помощи исповеди узнает тайну молодого человека. Обнаруживая свою безнравственность, он смеется над Игнатом и называет его ослом за то, что не сумел использовать удобный случай для кратковременной связи с женщиной легкого поведения.

В сказе «Тупейный художник» поп от беглых выманил все деньги, обещал укрыть их от погони, но тотчас выдает их господским слугам. Поп хитер, он не прямо показывает, где спрятаны Аркадий и Любовь, он на словах прикидывается, что ничего не знает, а ловкими движениями рук и мимикой показывает, где нужно искать спрятавшихся.

Обжора святой отец, особенно любящий блины, обрисован и в «Железной воле». Он толст, ленив, без пирогов или блинов трудно его позвать на дом, чтобы «выгнать чертей». Вечно пьяненький попрошайка и отец Илья из «Очарованного странника». Жадный поп и дьякон изображены в рассказе «О петухе и его детях». Ради обещанных денег и лошади поп хочет обвенчать горничную с полуумным слугой вместо ее возлюбленного, а дьякон, завидуя попу, помогает барину ворваться в церковь и расстроить план жадного попа. Будучи хитрым, дьякон за услуги просит не корову (поп обидится, он же выше чином!), а первотелку-корову.

Если в народных сказках поп получает расплату за свою жестокость и жадность, то Лесков, чаще всего, показывает, что духовенство, несмотря на ложь и обман, процветает, поработав темный народ. Этим писатель стремился вызвать у читателей протест против духовенства, стремился сорвать лживые покровы благочестия со служителей культа и церкви. Лишь иногда, как и в народных сказках, поп у Н. С. Лескова получает возмездие. Так в сказе «Штопальщик» упоминается, что в доме, в котором теперь живет Лапутин, раньше жил дьякон, который подавился куриной костью на крестинах. Есть слух, что этот дьякон и теперь по ночам ходит и давится костями.

Прямое осуждение жестокого архиерея Никодима выражено в «Несмертельном Головане». Этот архиерей, желая прославиться, отдал в рекруты больше половины своих подчиненных, несмотря на то, что некоторые из них были единственными детьми старых дьячков и других прислужников церкви. Здесь же писатель приводит куплет, песни о жестокости архиерея, подчеркивая народный характер песни. В качестве окончательной оценки архиерея Лесков дает ссылку на народную молву. После смерти архиерея прошел слух в народе, что прежний архиепископ не желает лежать рядом с этим «падло». И народ верит и одобряет эту молву.

Н. С. Лесков высмеивает и слепую веру служителей церкви в существование бесов, нечистой силы и т. п. Так в «Очарованном страннике» рассказывается анекдотический случай с послушником одного монастыря. Иван Северьянович рассказывает, как его несколько ночей подряд преследовал бес, а когда, наконец, он осилил этого беса, убил топором, то оказалось, что он убил монастырскую корову. Таких анекдотических событий, надо полагать, было в жизни не мало, и Лесков мог об этом подслушать у народа.

Эту черту служителей культа, да и простых людей, ловко высмеял и народ в своих сказках. Так в сказке А. Н. Афанасьева «Вор», № 583, хитрый мужик, поспорив с барином, по его предложению, крадет «кержинского наставника». Для того он переоделся ангелом, прибыл ночью к наставнику и сказал, что пришел взять его на тот свет. Наставник лезет в мешок, терпит побои и радуется, что попадет в рай, а тем временем парень повесил его в мешке над воротами барина. Аналогичная сказка имеется и у Н. Ончукова («Северные сказки», № 59).

Такие народные сказки, как «Мастеровой, его жена и солдат», «Дурак»⁴¹, «Поп — скука»⁴² и ряд других, рисуют сластолюбивых попов, которые ходят к чужим женам в отсутствие их мужей. Мужик обычно наказывает попа: он заставляет жену зажечь печку, где спрятался поп, или, искупав попа в дегте, везет на показ другим.

Н. Лесков эту черту духовенства тоже не обходит молча. В рассказе «Дворянский бунт Добрынского уезда» рисует образ священника, который не только с местными бабами заигрывал, но если имел денег, то и в город к женщинам ездил. Особенно его страсти запыхали во время толчеи, когда собирается много женщин. Здесь его и смерть подкараулила в лице местных парней.

Образ прислужника церкви, который, позабыв службу в церкви несмотря на праздники и посты, целыми днями развлекался с любовницами, выступает в рассказе «Счастливому остроумию и непопозволительная вольность прощается».

В произведении «Старинные психопаты» показано, как жестокий барин отомстил попу за то, что последний предупредил его любовницу, сказав ей, что барин не долго будет ею тешиться. Барин ославил попа блудником и, как подобает по народным обрядам в таком случае, его раздели, всунули в рогожный куль, в волосы насыпали пуху и провели по селу. За это оскорбление поп решил отомстить барину, записав в метрических книгах, когда родилась у барина дочь, что дочь «незаконная» от «законной» жены.

В «Некрещенном попе» создан образ завистливого попа, попа-доносчика, который стремится к обогащению любыми средствами. Он злится на своего соседа, о. Савву за то, что тот умеет привлечь большее число людей к церкви, что тот отговорил умирающего мужика отдать свое богатство церкви, а заставил раздать его людям. Он пишет об этом доносы архиерею. Когда это не помогает, он доносит, что о. Савва имеет связь с ведьмой, и радуется, когда посредством исповеди узнает, что Савва не крещен. Он торжествует на виду у мужиков, смеется над ними.

⁴¹ Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. 2, СПб, 1893, стр. 36—42.

⁴² А. М. Новикова и Н. А. Оссовецкий, Сказки Куприяники, Воронеж, 1937, № 69.

Другой жадный поп — доносчик и лгун нарисован в рассказе «Дворянский бунт Добрынского уезда». Отец «Варивон» даже помещался сочиняя доносы на всех людей дворянского происхождения, многие из которых без всякой вины в Сибирь сосланы.

О подобном попе-донсчике и взяточнике мы можем найти народную сказку «Священник и мужик в епитрахиль» в сборнике «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века»⁴³. Возвращаясь от роженицы пьяный священник потерял требник и епитрахиль. Мужики это нашли и передали благочинному, который обрадовался всему этому. Священник должен был дать денег благочинному, чтобы тот не донес на священника и вернул требник и епитрахиль. Эта сказка, как отмечается в комментарии, относится еще к записям 1850 г.; она имела широкое бытование среди населения Пензенской губернии. Н. С. Лесков в юности бывал сам в этих местах и эту сказку мог услышать от местных сказителей.

Эксплуататорская сущность церкви, её роль, как «учреждения полицейско-политического» (определение Н. С. Лескова), помогающая светским властям завоёвывать и поработать другие народы, хорошо обрисована в сказе «На краю света». Миссионеры показаны здесь не носителями просвещения и божьего слова, а жадными «службистами». Они стремятся лишь формально окрестить как можно больше «неверцев», не заботясь об их жизни и вере. Они крестят одного и того же дикаря по несколько раз, лишь бы больше крестов раздать.

В «Очарованном страннике» миссионеры отказываются помочь Ивану Северьяновичу освободиться из киргизского плена. У них «бог в одних лишь образах, а не в убеждениях человека»⁴⁴. В записанной А. Н. Афанасьевым легенде «Певцы» видим подобное же отношение к молитве. Переодетый странником Христос радостно слушает народную песню, ибо её поют от всей души, благоговей, и не стал слушать духовной песни, которую пели холодно, мыслями отрываясь далеко от нее.

Н. Лесков часто подчеркивает, что служителям культа важнее светские дела и развлечения, чем дела веры. Он рисует целый ряд священников, увлекающихся карточной игрой. Например, в рассказе «Жидовская кувырколлегия» имеется такой эпизод из жизни священника — страстного игрока: однажды «отец протоиерей, перейдя от карточного стола к совершению утреннего служения, не вовремя позабылся и, вместо положенного возгласа: «яко твое царство», — возгласил причетнику: «пасс!»⁴⁵

Подобный игрок-иеродиакон изображен в рассказе «Надлежит не осуждать поступков, не зная руководивших им соображений» и в других рассказах цикла «Заметки неизвестного».

Н. С. Лесков отмечает также невежество, необразованность служителей культа. Они не могут принести ничего хорошего в деле просвещения народа. Так в сказе «На краю света» архиепископ рассказывает, что в Сибири недавно трудно было отыскать грамотного дьячка, умеющего «читать хоть уже если не по писанному, то по крайней мере

⁴³ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века, изд. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), М.—Л., 1961 г.

⁴⁴ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 5, стр. 479.

⁴⁵ Н. С. Лесков, Жидовская кувырколлегия.—Полное собрание сочинений в 12-ти томах, изд. II, С.-П., 1897, т. 7, стр. 162.

по печатному»⁴⁶. Они молитвы чаще всего читали по памяти. «...что за людей я видел! Косые, хромые, гугнявые, юродивые и даже... какие-то одержимые. Один вместо «прийдите, поклонимся царице нашему богу», закрыв глаза, как перепел, колотил: «плитимбоу, плитимбоу» и заливался этим так, что удержать его было невозможно. Другой... так искусился в скорохвате, что с каким-нибудь известным словом у него являлась своя ассоциация идей, которой он никак не мог подчиняться. Таково слово для него было, например, «на небеси»⁴⁷. До читав до тех слов, он всегда начинал «да святится имя твое» до тех пор, пока не закончит словом «от лукавого». В этом сатирическом обличении невежества духовенства Н. С. Лесков идейно близок к народному мнению, выраженному в фольклоре. С большой силой обличения и насмешливой издевкой народ рассказывает сказки о невежестве попов.

В «Северных сказках» Н. Ончукова (сказка № 63 «Безграмотная деревня») рассказывается, что все служители деревенской церкви неграмотны, а когда приехал архиерей и пришлось петь службу, то поп с дьяконом запели:

«О-о-о! Из-за острова Кельястрова

Выбежала лодочка осиновая...»

а дьячок подпевал:

«Вдоль по травке, да вдоль по муравке,

По лазоревым цветочкам...»

В примечании Ончуков объясняет, что поп и дьякон поют протяжно, на церковный лад, а дьячок — на мотив веселой плясовой песни.

Интересна в этом отношении сказка из сборника Соколовых № 136 «Поп Пахом». о попе, который не умел читать, а когда пришлось читать евангелие в присутствии архиерея, то он протяжно рассказал, как стал попом, сколько получает жалования и часть его обещал архиерею. Тот похвалил попа мужикам. Здесь высмеивается и жадность архиерея, и безграмотность попа, и их обоих презрительное отношение к церковной службе, использование ее в целях своего обогащения, а не «спасения душ грешников».

В сказке А. Н. Афанасьева «Поп Пахом» (№ 516) и в сказке Н. Ончукова № 165 выведен образ неграмотного попа, который, когда надо начинать службу, спрашивает у людей, знают ли они эту книгу. Если люди говорят, что знают, то поп решает — незачем снова ее перечитывать, если люди говорят, что они этой книги не знают, то поп отвечает — бесполезно ее читать, все равно не поймут, а если народ говорит, что половина книги знают, то поп велит им выучить и остальную половину.

Таким образом, разоблачительная сила Н. С. Лескова о духовенстве опиралась на народное мнение о церкви и ее прислужниках и находила соответствие в народных сатирических сказках.

Оставаясь до конца жизни религиозным человеком, считая религию средством для самоусовершенствования, средством выработки высоких нравственных норм, Н. С. Лесков снимал покровы святости не только с рядовых служителей культа, но и с высоких духовных сановников. Он постоянно разоблачал церковь как учреждение полицейско-политическое, которое только формально исполняет свои обязанности, а в действительности стремится к земной власти и лишь для отвода глаз произносит красивые фразы о небесной жизни, о службе «всемо-

⁴⁶ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 5, стр. 456—457.

⁴⁷ Там же, стр. 457.

гущему и всепрошающему» богу. Так же, как в народной сказке, в произведениях Н. С. Лескова образы представителей духовенства наделяются отрицательными чертами, их действия направлены против простых честных людей. Но в отличие от фольклора прямых столкновений, резких конфликтов, сцен расправы над попами мы здесь почти не находим. Задача писателя — показать, что в жизни торжествует несправедливость, и лживые и подкупные служители культа по-прежнему пользуются всеми благами и обманывают народ.

Постоянное срывание масок с лица служителей культа сделало Н. С. Лескова злейшим врагом церковной власти. Сам писатель этим гордился. В ответ И. С. Аксакову на его увещание, что священников надо «дубьем бить», а не постоянно над ними насмехаться, Н. С. Лесков пишет: «А они дубья-то Вашего и не боятся, а от моих шпилек морщатся»⁴⁸. Таким образом в своих произведениях Н. С. Лесков помогал читателю познать истинное лицо духовенства.

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса,
Кафедра русской литературы

Представлено
15 октября 1962 года

ANTIKLERIKALINIAI MOTYVAI N. S. LESKOVŲ SAKMĖSE IR LIAUDIŲ SATYRINĖS PASAKOS

D. STRAUKAITE

Re z i u m ė

Straipsnyje parodytas XIX amžiaus antrosios pusės rusų prozaiko N. S. Leskovo nuolatinis domėjimasis liaudies kūryba. Rašytojas ne tik rinko išgirstas pasakas, priežodžius, patarles ar šmaikščius žodelius, bet ir panaudodavo tai savo kūrinuose, ypač sakmėse.

Nors N. S. Leskovas buvo religingas žmogus, bet išgarsėjo kaip anticerkvinės satyros kūrėjas. Siame straipsnyje autorė mėgina paaiškinti to reiškinių priežastis. Kadangi N. S. Leskovo sakmėse jaučiama folkloro įtaka, todėl straipsnyje norima parodyti, kuo ji pasireiškia, vaizduojant dvasininkus.

⁴⁸ Н. С. Лесков, Письмо к И. С. Аксакову от 7 января 1881, ЦГАЛИ, арх. Акс. Ф. 3., оп. 4, № 337.